

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

ВСТРЕЧИ
С МАСТЕРАМИ

ГАСТРОЛЬНАЯ эфирная Малого театра Союза ССР включает обширный репертуар, в котором есть и советская классика, и современная драматургия, есть Грибоедов, А. К. Толстой, Островский, Салтыков-Щедрин, Достоевский, Л. Толстой и Шнеллер. Даже одно упоминание этих имен вызывает уважение к масштабу работы театра.

Событием нынешних гастролей несомненно явился спектакль «Возвращение на родину», поставленный Б. Раевским, постановщик Балала молдавского писателя Иона Друзе посвящая последние дни жизни Льва Николаевича Толстого, когда он особенно остро чувствовал свое одиночество и когда его нравственные духовные поиски оказались в такую мучительную противоречия с житейскими интересами его ближайшего семейного окружения.

В центре сцены, оформленной художником Э. Котергиным, полукругло просто и вместе с тем с элементом торжественности стоит рабочий письменный стол писателя. Здесь делаются последние записи Толстого, прелюдия бумаге его последние мысли. Этот стол, который в будущем станет одной из отечественных реликвий (конечно, не этот, а подлинный, яснополянский, но на спектакле наше воображение срывает так, а не иначе) и к которому с таким неизлечимым уважением подолзает близкие Толстому дочь Александра (Г. Киришнина), секретарь Булгаков (Н. Верещинка), домашний врач Маковницкий (В. Сафронов), бумаги на столе становятся предметом волежеланных желаний и внимания со стороны жены Софьи Андреевны и сына Льва Львовича.

В иные моменты спектакля Софья Андреевна вызывает даже уважение к своему великому и тяжкому. И сам Лев Николаевич Толстой (сценический образ которого создается в спектакле Игорь Ильинский), жалел жену, понимает, что ей не под силу раздвинуть его духовные поиски. Можно сочувствовать Софье Андреевне — Т. Еремеевой, когда она болезненно переживает ее услаждающиеся отдаление от мужа. Но ничто не может вызвать оскорбительности ального контроля над бумагами и мыслями Толстого, юга чувства собственности, которое заставляет жалко шарить на столе писателя ей и Льву Львовичу (С. Конов). Этот аккуратный respectable господин, почему-то оказавшийся сыном великого человека, в буквальный смысле стоит на его дороге. Это человек мелкой души, лишённый малейших сомнений, все время маячит за спиной отца, готовый пресечь любой его шаг.

В спектакле есть моменты, когда почти физически ощущаешь гнев и возмущение, подступающие к горлу Толстого. И видишь его идущим

прячь от житейской суеты, погруженным в свои мысли. Его укол, литературный не-охлаждающий и увлеченный системным и музыкальным решением имеет в спектакле как бы двойной смысл. Это знак одиночества Толстого в его семье и вместе с тем это символ величия личности, которой посвящен спектакль.

И. Ильинский, играющий восьмидесятидвухлетнего Толстого, дает почувствовать в быдую удачу и некоего могучую страстность его натуры, но эти мотивы звучат в спектакле как воспоминания о былом. Главное, что играет актер в той жизни, которую проживает Толстой в спектакле, это именно духовное, внутреннее таинство, совершенное в уме и сердце этого человека. Ильинский играет внешне жизни в людей, вынесенные жизни в людей. Быть вечерним в жизни в подобной роли, наверное, невозможно, но масштаб художественной личности актера, его благородное мастерство и та сокрытая нота, которая звучит у исполнителя, творят сценическое искусство, достойное памяти Толстого.

ВО ВРЕМЯ нынешних гастролей зрители встретились с И. Ильинским не только как с мастером актерского искусства, но и познакомились с его интересным режиссерским опытом «Лес» А. П. Островского в постановке И. Ильинского — это комедия характеров, определенных и многомерных, спектакль, идеально проследивший сложные мотивы повествования персонажей. Режиссер не дополняет пьесы — он как бы проживает ее вместе со всеми исполнителями.

Среди актерских работ этого спектакля хочется отметить Т. Еремееву — Гурмыжскую. Интересно, что И. Ильинский, ныне выступавший в роли Аркадия Савельевича, впервые играл эту роль более полудесяти лет и в известном спектакле В. Мейерхольда.

Нало сказать, что классика вообще занимает большое место в репертуаре Малого театра.

Театр накопил богатый опыт сценического воплощения произведений Достоевского. Правда, спектакль Малого театра «Униженные и оскорбленные» остался как бы в стороне от поисков в этом направлении. Режиссура (Е. Вилхов) не вела к жизни высокую художественную активность, свойственную героям Достоевского. В спектакле можно увидеть постановочную добротность, но не пафос боли, гнева и добра, которые так дороги в писателе.

Традиционно актерский организм, Малый театр в последние годы все больше и больше тяготеет к яркой режиссуре. Это в свое прочтение «Любови Яровой» Тренева в постановке П. Фиско, это и шведская трагедия «Заговор Фиско в Гёте» в режиссерском прочтении Л. Хейфана. Этот спектакль продолжает

историческую традицию Малого театра, творчество которого издавна тяготело к героической драме Шиллера. Правда, в современной постановке первыми героическими страстями охлаждены аналитической мыслью (недаром театру понадобился новый перепл пьесы, сделанный Л. Луциной), но драматизм Шиллера, его протест против падения асоциальных гражданских идеалов не стали менее значительными. В Гёте, какой ее воссоздали режиссер и художник В. Сероверский, — поражающий величием своей архитектуры, холодной красотой жителей, дивными красками их одежды, словно воскресающих ренессансную живопись, в этой Гёте вышке замысли уступают место киварным страстям, идея героическая становится в итоге корыстной насады властолюбия. И потому, наверное, красота этого спектакля, его архитектурных линий его пластических форм, сценически стали выразительными, но нежизненно резкими, далека от гармонии, она тревожна и бесполова.

Тревожна и жизнь его героев, в которой нет ни минуты равновесия и которая чередует трагические взрывы. Сложность сценичного спектакля, в котором красота граничит с уродством, а добро оборачивается злом, выражается в прочтении всех образов.

Можно любоваться Джанеттино Дорна — Я. Барышников. Рослый красавец в пурпурных одеждах, он является в своем роде прекрасным творением природы, но, насколько может быть прекрасным хищный зверь. Разуя глаза, он начинает ужасать душу, коль скоро становится иной его натуры, не позволяя решительно никаких нравственных запретов. Фиско в исполнении Виталия Соломина предстает в расцвете молодости, надолгими, казалось бы, всеми дарами жизни, и в итоге во имя героической короны их поправним.

Неследуя природе эволюции Фиско, спектакль дает свои ответы. Стихия борьбы за власть, как всякая стихия, становится неуравновешенной и, поглощая в своей бездне правых и виноватых, решительно искажает личность героя.

В финале спектакля, застыл над убитой Леонорой, Фиско не столько потрясен потерей, сколько готовится к новой битве. Может быть, это похвально для профессионально-го война, но губительно для живой личности, теряющей последние приемы человечности. И прежде чем свершится расправа над Фиско, он гибнет для нас духовно, и эта первая гибель едва ли не страшнее другой.

Гастроли Малого театра продемонстрировали не только актерские достижения ведущих мастеров и молодежи, но и режиссерские поиски этого старейшего театрального коллектива.

Н. ПЛЯЦОВСКАЯ